

Славяне и кочевники в раннем средневековье: к проблеме этнокультурного синтеза

Владимир Петрухин

Славяне и степные номады, по преимуществу тюрки, были “обречены” на соседство и взаимодействие самим ходом истории. Их появление во всемирной истории, точнее, вторжение в нее произошло в эпоху Великого переселения народов, в V–VI веках н.э. Для кочевников и славян воплощением мировой цивилизации и объектом вожделения была Римская империя и ее наследница Византия: прорвав границы империи, те и другие попали на страницы средневековых хроник. Не только богатства, накопленные в империи (в “евразийской” перспективе — также в Китае, Иране и Халифате), но и блага цивилизации — римской (христианской), иранской, арабо-мусульманской — были “даны” славянам и тюркам как бы в готовом виде. Это обусловило сложение общих черт в системе культурных ценностей и даже, как писал в 1925 году Н. С. Трубецкой¹, в “подсознательной философской системе” (что ныне принято называть словом “ментальность”).

Действительно, первые исторические акты тюркских и славянских правителей, по описанию средневековых хроник, обнаруживают иногда удивительное сходство, не диктуемое традициями собственно византийскими (дипломатическими, литературно-этикетными и т.п.). Согласно византийской Хронике Симеона Логофета (X век), болгарский (протоболгарский) хан Крум, опиравшийся на совместные силы болгар (протоболгар-тюрков) и славян, в 811 году разбил византийскую армию, подошел к стенам Константинополя (Царьграда по славянской традиции) и, заключив мир, вонзил в Золотые ворота копье. Через столетие, в 907 году (согласно Начальной русской летописи — Повести временных лет, далее ПВЛ) русский князь Олег с дружинами руси и славян осадил Царьград, заключил выгодный для Руси мир и

Владимир Яковлевич Петрухин, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики Российской академии наук, г. Москва.

повесил щит на воротах Константинополя, “показуя победу”². Болгарский хан и русский князь, помимо традиционного для “варваров” договора о мире и дани с греков, добиваются легитимизации своих государств в центре империи при посредстве символического акта: они “отмечают” свою победу знаком на вратах Царьграда.

Славяне участвовали не только в походах тюркоязычных болгар и варяжской руси: согласно византийским источникам, с момента появления славян на дунайской границе империи в VI веке они действовали совместно с кочевниками. Составители “Свода древнейших письменных известий о славянах” отмечают, что у Прокопия Кесарийского упоминание “гуннов, склавинов и антов”, обретающихся на Истре — Дунае, представляет собой “стереотипную формулу”³: под гуннами у Прокопия понимаются разные народы распавшегося гуннского племенного союза, склавины и анты — две группировки праславян VI — начала VII века. Историографическая и историческая устойчивость этого объединения засвидетельствована и франкским источником VII века: во “Франкской космографии” говорится о склавах, хуннах и винидах (венедах), обитающих на Дунае⁴.

Интересно, что византийская и латинская (франкская) традиции по-разному именуют маргинальные группировки славянства: у греков это анты — этникон, имеющий, возможно, иранское происхождение, в латиноязычных источниках — венеды (виниды и т.п.), традиционный античный этникон, употребляемый по отношению к славянам со времен Иордана (см. подборку данных о венедах и антах в Своде). Этникомом, отражающим самоназвание славян — “словене” — было имя **склавины** (склавы и т.п.). Сами славяне не называли себя ни венедами, ни антами. Этникон гунны (хунны) во франкском источнике VII века относился уже, возможно, к аварам, но, может быть, отражал и раннюю, доаварскую историческую ситуацию. Так или иначе греческие и латинские источники описывают ситуацию “извне”, и “единство” славян и “гуннов” может быть связано с общим отношением к варварам как к единой массе народов, обретающихся на границе империи.

При обращении хронистов к конкретным историческим событиям, естественно, описываются конфликты и войны не только между славянами и кочевниками, но и между группировками самих славян и внутри кочевых объединений. Так, анты, по данным Прокопия, в 545 году стали союзниками империи и не должны были позволять “гуннам” переходить Дунай⁵, а авары, появившись на границах Византии, отправили в 558 году посольство в Константинополь, заключив союз с Юстинианом I против кутригуров-протоболгар; авары совершали набеги и на антов. Союз же с Византией не помешал аварам вместе со славянами (“гунны и склавы” в Хронике Иоанна Малалы⁶) в следую-

шем 559 году совершить поход во Фракию, провинцию Византии, и т.п.

Естественно, собственно славянские источники, прежде всего ПВЛ, предлагают совершенно иной взгляд на отношения славян и кочевников. Не следует забывать, что это в первую очередь взгляд христианского книжника, живущего в эпоху борьбы с половецкими набегами (конец XI — начало XII века): кочевники для него — враги и “поганые” (язычники). Но Начальная летопись синтезирует и ранние славянские предания, и византийскую традицию (как образец). Вслед за описанием расселения славян от Дуная (“где ныне Угорьска земля и Болгарьска”), летописец повествует о приходе на Дунай болгар “от скуф, рекше от козар”: они стали “населници” славянам. В цитируемом издании ПВЛ перевод “населници” как “насилъники”⁷ неточен, речь идет о поселенцах, пришедших вслед за славянами. Эта неточность перевода объяснима, так как далее речь идет о завоевательных походах “при Ираклии царе” белых угров, которые “наследиша” землю славянскую на Дунае и, наконец, о насильниках обрах-аварах. Белые угры — хазары здесь смешаны с черными уграми — венграми, действительно занявшими славянские земли на Дунае (“где ныне Угорьска земля”) в X веке. Нет и правильной последовательности в изложении исторических событий: болгары пришли на Дунай около 680 года; хазары — белые угры заключили союз с Византией в 626 году при императоре Ираклии. Тогда же очередной поход на Византию совершили авары со славянами, о чем сообщают византийские источники, в том числе и известный составителю ПВЛ “Бревиарий” (“Летописец вскоре”) патриарха Никифора (см. ниже), но русского летописца интересует иной сюжет, связанный с аварами⁸.

Летописец рассказывает, что обры “воеваху на словенех и примучаша дулебы (славянское племя. — *В.П.*), сущая словены, и насиле творяху женам дулебским”, далее следует знаменитое предание об аварах, которые запрягали в свои телеги дулебских жен вместо волов и коней. Это едва ли не древнейший славянский эпический сюжет. Характерно и его завершение: “Быша бо обре телом велици и умом горди, и Бог потреби я, и помроша вси, и не остана ни един обрин. И есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре”⁹. Встреча с аварами действительно оказалась для славян эпическим “первособытием”: имя авар-обров стало именем первобытных великанов в славянском фольклоре (ср. имя алангсаров — великанов в фольклоре народов Поволжья, восходящее к этнонимам “аланы” и “хазары”, и т.п.).

Но в исторической перспективе для русского книжника традиционный мотив великанов, истребленных Богом, приобретает значение лейтмотива в отношениях Руси и кочевников. Летописный сюжет о хазарах, которые потребовали дани с днепровских полян, завершается

историческим итогом — русские князья владеют хазарами “до сего дня”¹⁰. О печенегах, окончательно разбитых Ярославом Мудрым у Киева в 1036 году, говорится, что остатки их скитаются неведомо где¹¹. О торках, на которых пошли с бесчисленным войском князья Ярославичи в 1060 году, говорится, что они бежали и “помроша бегаячи, Божьим гневом гоними”¹². И уже в заключительной части Начальной летописи Нестор повествует о победе коалиции русских князей во главе с Владимиром Мономахом над половцами в 1111 году: ангелы Божии во главе русского воинства избивали “поганых”¹³.

Мотив степи как Дикого поля и извечной борьбы со степняками стал доминирующим и в русской историографии, и в эпическом народном сознании. Татарское нашествие XIII века сохранилось в былинной памяти, и татары стали эпическими врагами *par excellence*, заслонив половцев и других степняков (впрочем, в эпическом контексте сами татары могли заменяться “литвой” и другими иноземцами). Возникшая в качестве альтернативы этой традиции концепция евразийства в итоге в своих исторических устремлениях, как это ни парадоксально, мало чем от нее отличалась. Конечно, евразийцами признавалась конструктивная роль кочевых государств в истории Российского государства, и евразийская перспектива совместного развития этой государственности славянскими и тюркскими народами считалась единственно возможной; но для строительства этой новой всемирной империи не доставало “самой малости” — единой идейной основы, какой, по концепции евразийства, могло быть только православие. На утопичность этой концепции, требующей от тюркских народов, по сути, отказа от своей самобытности, указывали уже первые критики “евразийского соблазна”¹⁴.

Безусловно, результаты реального исторического взаимодействия славянских и тюркских этносов были несравненно разнообразнее и богаче, чем общие историографические схемы. Это взаимодействие предопределялось и объективными требованиями экономики степняков-скотоводов: развитие скотоводства требовало расширения кормовой базы, в том числе запасов зерна на зимних стойбищах, формирования полукочевых и оседлых форм быта¹⁵. Естественно, эти требования возрастали в процессе формирования государств. Дань со славян и чинимые им “насилия”, упоминаемые летописью, диктовались, по преимуществу, этими требованиями. Видимо, не случайно, по свидетельству Менандра, во второй половине VI века авары убивали захваченных в плен кочевников-сабиров, а славян оставляли в живых и требовали с них выкуп¹⁶. Земледельческая экономика славян, скотоводство и военизированная племенная организация кочевников дополняли друг друга в этом процессе.

При этом нельзя забывать и о наличии единых целей, которые объединяли славян и кочевников (и прочих варваров), во всяком случае, в глазах византийцев; эти цели — перераспределение богатств, накопленных цивилизацией, в первую очередь Византией. Сложные и противоречивые отношения с Византией, использующей союз с одними варварами против других, заключающей с ними договоры и выплачивающей вождя дань, “позволяющей” селиться в бывших римских провинциях и т.п., сопутствовали и сложению первых “варварских” государств, и завершающей стадии славянского этногенеза.

Действительно, первые вероятные свидетельства присутствия славян на дунайской границе Византии относятся к периоду, почти на столетие предшествующему первым упоминаниям имени “славяне” (склавины) у Прокопия Кесарийского. Речь идет о детальном анализе известий Приска о византийском посольстве 448 года к гуннам в Паннонию, в том числе об анализе некоторых реалий быта и общественной жизни населения Гуннской державы в правление Атиллы¹⁷. Приск не упоминает славян, но население, которое по языку отличается от гуннов (и от готов), он называет скифами: скифы поставляют для посольства челны-однодеревки, которые они сами изготавливают, и переправляют посольство через Истр (Дунай), далее послы также переправляются на однодеревках или на плотках, которые “скифы” возят за собой на телегах через заболоченные пространства. Вместо пшеницы у них — просо, а “вместо вина — медос, называемый так по-туземному”¹⁸.

Слависты давно (во всяком случае, со времен Л. Нидерле) обратили внимание на то, что просо и мед — традиционные компоненты славянской кухни; **медос** у Приска, видимо, действительно можно “рассматривать, как греческую фиксацию слав. *medъ*”¹⁹. Не менее интересно то обстоятельство, что поставка однодеревки и переправа через реки были традиционным занятием славян. Они переправляли конницу кочевников и сами участвовали в морской осаде византийских городов²⁰. Мы можем заключить, что эта славянская традиция складывалась независимо от потребностей кочевников, ибо, по сообщению Константина Багрянородного, те же услуги славяне оказывали в середине X века и руси, срубая в своих лесах однодеревки и сплавливая их по рекам для подготовки похода на Византию.

К тексту того же Приска восходит и описание похорон Атиллы (453 год) у Иордана: после оплакивания гунны устраивают наверху кургана “великое пиршество, которое они сами называют страва”²¹. Наиболее приемлемой этимологией этого обозначения обрядовой трапезы признается славянская²². Конечно, при отсутствии упоминания о собственно славянах, равно как и при отсутствии осязаемых следов ранне-

го пребывания славян в Паннонии²³, трудно оценить реальное участие праславян в строительстве Гуннской державы. Но характерен сам “интернациональный” контекст предприятий и ритуалов этого государственного образования: так строились и позднейшие раннефеодальные государства, их памятники — поселения и особенно могилы вождей — синтезировали различные этнокультурные импульсы. В результате трудно различить гуннские, готские (при том, что само имя **Аттила**, вероятно, имеет готское происхождение) и “славянские” элементы в описании похорон Аттилы.

Точное типологическое соответствие участию трех этнокультурных компонентов в возведении погребального памятника вождю представляет собой обрядность “княжеского” кургана, расположенного на противоположном, северо-восточном пределе того ареала, где осуществлялось взаимодействие славян и кочевников. Это курган Черная могила в Чернигове, насыпанный в 60-е годы X века над кремацией воеводы киевского князя — русского боярина “варяжского” происхождения. В обрядности кургана прослеживаются скандинавские и славянские черты, а также хазарский (салтовский) обычай укладывать конское снаряжение, оружие и доспехи в груды (“трофей”) на кострище. Драгоценные серебряные оковки ритонов выполнены в постсасанидском стиле (одна из оковок несет хазарский изобразительный сюжет)²⁴.

В этих хронологических (VI—X веков) и территориальных (Центральная Европа — Среднее Поднепровье) пределах археология дает многочисленные примеры этнокультурного синтеза славянских и кочевнических традиций. Ранний и, может быть, даже исходный пример такого синтеза — пеньковская археологическая культура VI—VII веков, распространенная в юго-восточном ареале праславянских культур от Подунавья до Среднего Поднепровья (в том числе и на левобережье вплоть до Северского Донца) и большинством исследователей приписываемая антам (хотя ее этническая принадлежность вызывала и вызывает споры)²⁵. Керамический комплекс этой культуры включает, помимо специфической пеньковской посуды, обнаруживаемой, кстати, и на “чисто” кочевнических памятниках (например, в Крыму), “классическую” славянскую керамику типа Прага-Корчак, а также сделанную на гончарном круге керамику пастырского типа, позднее, с конца VII века, салтовскую посуду, характерную для болгаро-аланского населения Хазарского каганата. Одновременно в домостроительстве пеньковской культуры на одних и тех же поселениях также прослеживаются две традиции — “славянская” с полуземлянками и печами и кочевническая с юртообразными жилищами.

Для комплекса украшений пеньковской культуры, называемых со времен А. А. Спицына “древностями антов”, также характерен синтез традиций прикладного искусства — от пальчатых фибул, свойственных славянским (и германским) древностям, до фигурок из Мартыновского клада, аналогии которым известны в широких пределах от Северного Кавказа до Подунавья. Крупнейшим центром в ареале пеньковской культуры было Пастырское городище на реке Сухой Ташлык в бассейне Тясмина: там производилась гончарная керамика, орудия земледелия, найдены клады ювелирных изделий. Наличие на городище славянских и кочевнических древностей позволяло исследователям усматривать в Пастырском центре болгар-кутригур (М. И. Артамонов) и даже ставку хазарского кагана (Д. Т. Березовец)²⁶.

В целом пеньковская культура обнаруживала близость типично славянским памятникам культуры Прага-Корчак, что соответствует характеристике древних авторов, писавших о единстве культуры антов и склавинов, и включала элементы кочевнической алано-болгарской культуры, что было свойственно маргинальным группировкам славян во все эпохи. Само название “анты”, если следовать Ф. П. Филину, имеет иранское происхождение и означает “живущие на окраине”²⁷. А. И. Попов предлагал тюркскую (аварскую) этимологию, согласно которой анты означало “союзники”²⁸.

Тяготение кочевников к центрам оседлости (“от кочевий к городам”²⁹) было свойственно эпохе формирования ранних государств и порождало различные формы синтеза кочевнической и земледельческой культур. В частности, авары в VII веке заимствовали традиции домостроительства — полуземлянки у славян³⁰; при этом на одном из аварских селищ полуземлянки располагались полукругом — планировка, не свойственная славянским поселениям, но напоминающая планировку кочевого лагеря, состоящего из юрт³¹. На аварских поселениях обнаружены орудия земледелия и зерно. О славяно-аварском симбиозе свидетельствуют и материалы могильников, в частности Девинской Новой Веси (в черте Братиславы), где наряду с аварскими труположениями с середины VII века появляются славянские трупосождения с керамикой пражского типа³².

В результате в пределах Аварской державы на территории Венгрии, Словакии, Словении, Воеводины, Далмации формируется своеобразная аваро-славянская культура³³. Франкская “Хроника Фредегара” (VII век) дает уникальное описание взаимодействия славянского и аварского этносов в Аварской державе. Славяне, называемые винидами, были в подчинении у авар, называемых гуннами: во время войны авары стояли перед лагерем, славяне же сражались с врагами; авары вступали в бой, чтобы решить исход сражения. Приходя ежегодно на

зимовку к славянам, авары брали в наложницы славянских дочерей и жен (о “гостеприимном гетеризме” у “скифов” сообщает и Приск при описании посольства к Атилле); кроме того, славяне платили аварам дань. В принципе описание аварского ига совпадает с данными ПВЛ о насилиях, чинимых славянам и дулебским женам³⁴. Данные археологии, однако, делают очевидными “законные” брачные узы, связующие авар и “славянских жен”: на могильнике Покасенетк с аварскими мужчинами, погребенными по обряду ингумации, хоронили женщин-славянок (?), которых кремировали, а кости складывали в урны пеньковско-го облика³⁵. Вероятно, авары привели с собой в Паннонию союзников — антов из Восточной Европы³⁶. Результатом этого симбиоза, по некоторым предположениям, было распространение славянского языка как *lingua franca* и даже консолидация праславянской этнолингвистической общности; об этом свидетельствует отчасти и археологический материал: по всей территории каганата распространяются единообразные украшения — эсвидные височные кольца, характерный для славян этнический показатель³⁷.

Подобные отношения со славянами, по-видимому, сформировались и у болгар: во всяком случае, при Аспарухе они покорили за Дунаем на Балканах славянские племена, называемые “семь родов”, и племя северов, расселив их на западе и юге на границах Аварии³⁸. Этнокультурный синтез у славян и болгар (протоболгар) проходил в общем в тех же формах, что и в Аварском каганате, но воздействие славянской и, естественно, византийской культуры на кочевников уже с VIII века здесь было более интенсивным: аулы болгарских ханов, в том числе столица Плиска, строились уже с использованием византийских и — шире — ближневосточных традиций, хотя и в Плиске сооружались юртообразные жилища и славянские полуземлянки³⁹. Различными были погребальные традиции: кочевники хоронили умерших, славяне — сжигали; но керамика в некрополях была одна и та же⁴⁰. Протоболгары стали интенсивно переходить к оседлости уже в VIII веке. Мощный славянский субстрат predetermined судьбу протоболгарского компонента: после христианизации Болгарии (860 год) от ассимилированных славянами протоболгар-кочевников сохранился сам политоним — название государства, от которого происходит и современное название славянского народа — **болгары**; правители этого государства претендовали на византийский царский титул, отказавшись от тюркского титула “хан”, но в болгарской социальной лексике сохранилось тюркское наименование высшего правящего слоя — **бояре**.

Предполагают, что сходный вклад в социальную терминологию славян был сделан и аварами: у сербов, хорватов, видимо, в Великой Моравии (а также у болгар) правители отдельных областей именовали-

лись тюркскими титулами “жупан” и “бан”⁴¹. Не менее существенной для понимания механизмов этнического и социального взаимодействия славян и тюрков представляется история титула “каган” (“хакан”), который унаследовали от правителей Тюркского каганата ханы авар и хазар. Этот титул главы разноплеменного объединения приравнивался к императорскому; недаром правомерность его употребления правителями авар, хазар, норманнов и болгар специально обсуждалась в переписке Людовика Немецкого и византийского императора Василия (871 год)⁴². Под норманнами в послании Людовика следует понимать русь: русские князья с середины IX века претендовали на титул “каган”⁴³, а после разгрома Хазарского каганата в 60-е годы X века присвоили этот титул — согласно “Слову о законе и благодати” Илариона (середина XI века) каганами именовались Владимир Святославич и Ярослав Мудрый.

Первые русские князья претендовали не просто на титул, но и на хазарское наследие в Восточной Европе: первый государственный акт Олега, утвердившегося со своей “варяжской” русью в Киеве в конце IX века, — присвоение дани, которую брали хазары со славянских племен Среднего Поднепровья. Ареал сбора этой дани, которую, согласно ПВЛ, хазары брали с полян, северян и радимичей, очерчивается достаточно определенно по данным археологии: это ареал волынцевской культуры VIII–IX веков в Деснинском Левобережье Днепра и Киевском Правобережье. Волынцевская культура обнаруживает те же формы синтеза славянских и кочевнических древностей, что и предшествующая ей пеньковская: на поселениях соседствуют полуземлянки и юртообразные жилища, славянская и салтовская керамика и т.п. В одной из последних работ⁴⁴ волынцевская культура приписывается полянам. Ситуация выглядит, однако, более сложной и близкой к той, что описана в ПВЛ: хазары собирали дань с разных племен (волынцевская культура в целом близка северянской роменской культуре), сам славяно-кочевнический симбиоз свидетельствует о разрушении традиционных племенных структур. Дружина русских князей в X веке обосновывается в этом же среднеднепровском регионе, и он становится раннесредневековым доменом киевского князя — Русской землей в узком смысле с главными центрами в Киеве, Чернигове и Переяславле⁴⁵.

В самом Киеве в X веке существовал городской район, называвшийся Козаре (Хазары), где жили также христиане и обитала еврейско-хазарская община, отправившая из Киева знаменитое письмо X века (которое очутилось в конце концов в Каире). Считать присутствие этой общины и даже целого квартала в Киеве свидетельством хазарского господства (как это делает О. Прицак⁴⁶) совершенно неправомерно. Дело не только в том, что это противоречит прямым

данным русской летописи и восточных источников о Киеве как русском городе, где правит русский князь. Дело в том, что ситуация в Киеве близка ситуации в столице самой Хазарии Итиле, где также сосуществуют еврейско-хазарская, мусульманская (хорезмийская), христианская и языческая славяно-русская общины (описание ал-Масуди⁴⁷), и оказывается в целом характерной для столиц складывающихся раннесредневековых государств.

Древнерусская социальная терминология также обнаруживает черты синтеза славянской, тюркской и скандинавской традиций: титулом правителя наряду со славянским **“князь”** остается **“каган”**; старшая дружина князя именуется славянским термином **“мужи”** или тюркским **“бояре”**; младшая дружина именуется славянским словом **“отроки”** или скандинавским **“гриди”**. В этом отношении Русь оказывается наследницей того социального и этнокультурного механизма, который был запущен в период хазарского господства.

Общие тенденции, прослеживаемые в механизмах этнокультурного синтеза славян и кочевников, приводили, однако, к разным историческим результатам. Гибель Аварского каганата под ударами франков Карла Великого и исчезновение аварского этноса (**“погибоша аки обре”**), исчезновение хазар, ассимиляция протоболгар (равно как и варяжской руси) славянами не означали того, что кочевые этносы были обречены раствориться в земледельческой славянской культуре, передав ей черты своего социального устройства⁴⁸. Примером сохранения этноса (языка) и культурной специфики в славянском окружении и в условиях восприятия славянской земледельческой культуры и социальной терминологии (наряду с тюркизмами) являются венгры⁴⁹, а на востоке ареала славяно-кочевнического взаимодействия — волжско-камские болгары⁵⁰.

С другой стороны, опыт взаимодействия с кочевниками позволил восточным славянам пережить монголо-татарское нашествие и ордынское иго⁵¹. Взаимодействие этносов, сформировавшихся в средневековую эпоху, как мы видели, не сводилось к однонаправленным процессам господства и подчинения, конфликта и ассимиляции: спектр этого взаимодействия был шире, и наиболее ценным историческим уроком можно считать взаимный обмен достижениями разных культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 141—162.

² Культурологический анализ этих сюжетов см.: *Балданова-Покровская Ф. К.* “Основание царства” в болгарских средневековых представлениях // *Механизмы культуры*. М., 1990. С. 137—151.

³ Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1. (I—VI вв.). С. 209—210, 227.

⁴ *Подосинов А. В.* Славянские этнонимы во “Франкской космографии” VII в. // *Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы. Тезисы докладов*. М., 1993. С. 65, 124; ср. Свод... М., 1995. Т. 2 (VII—IX вв.). С. 398—400.

⁵ Свод... Т. 1. С. 184.

⁶ Там же. С. 268 сл.

⁷ *Повесть временных лет* (далее ПВЛ). М.—Л., 1950. Т. 1. С. 14; ср. там же. С. 210.

⁸ Об источниках этого рассказа см. ПВЛ. М.—Л., 1950. Т. 2. С. 223—224.

⁹ Там же. Т. 1. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 16—17.

¹¹ Там же. С. 102.

¹² Там же. С. 109.

¹³ Там же. С. 192.

¹⁴ См.: *Флоровский Г. В.* Евразийский соблазн // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн*. М., 1993. С. 256 сл.; *Бицилли П. М.* Два лика евразийства // *Россия между Европой...* С. 283 и др.

¹⁵ Применительно к раннему средневековью см. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982.

¹⁶ *Авенариус А.* Авары и славяне. “Держава Само” // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI—XII вв.)*. М., 1991. С. 27.

¹⁷ См. прежде всего работы Л. А. Гиндина: К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // *Формирование раннефеодальных славянских народностей*. М., 1981; Значение лингво-филологических данных для изучения ранних этапов славянизации карпато-балканского пространства // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей*. М., 1987. См. также: Свод... Т. 1. С. 81 сл., 161—169; ср.: *Кланица З., Тржештик Д.* Первые славяне в Среднем Подунавье и в Полабье // *Раннефеодальные государства и народности...* С. 7—9.

¹⁸ Свод... Т. 1. С. 85.

¹⁹ Там же. С. 93.

²⁰ Свод... Т. 2. С. 10—64, 221—247; *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. М., 1980. С. 160—161; ср. также: Свод... Т. 1. С. 271.

²¹ Свод... Т. 1. С. 161.

²² Там же. С. 162—168.

²³ *Udolf J.* Kamen die Slaven aus Pannonien? // *Studia nad etnogeneza Slowian i kultura Europy wczesnosredniowiecznej*. Praca zbiorowa, ed. by G. Labuda and S. Tabaczynsky. Wrocław, 1987. S. 167—173; *Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994. С. 287—289.

²⁴ *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. Смоленск—Москва, 1995. С. 170 и сл.; см. также сравнительный анализ похорон Атиллы и древнерусского князя Игоря: *Гиндин Л. А.* Обряд погребения Атиллы (Iord. XLIX, 256—258) и “тризна” Ольги по Игорю // *Советское славяноведение*, 1990. № 2. С. 65—67.

²⁵ Ср. систематический обзор древностей типа Пеньковки: *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII веков. М., 1976. С. 85—112; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 19—28; *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура // *Археология Украинской ССР*. Киев, 1986. Т. 3. С. 153—167.

²⁶ Ср.: *Приходнюк О. М.* Категории памятников, топография, планировка // *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*. Киев, 1990. С. 214.

²⁷ Ср.: *Русанова И. П.* Славянские древности... С. 112; ср. об иранизмах в культуре антов: *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 86. Г. В. Вернадский (*Древняя Русь*. М., 1996. С. 198 и сл.) настаивал на иранском (“асском”) происхождении предводителей славян-антов, носивших, по его мнению, иранские имена (Ардагаст и др.).

²⁸ *Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973. С. 34–37.

²⁹ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967.

³⁰ *Авенариус А.* Авары и славяне... С. 33. См. обзор аварских древностей в кн.: *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье... С. 109–137.

³¹ Ср.: *Эрдели И.* Археология Венгрии VI–XI вв. // Археология Венгрии. М., 1986. С. 328–330; *Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М.* Этнокультурные процессы в Карпатском бассейне и Подунавье в период раннего средневековья (V–VII вв.) // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев. 1990. С. 93–94.

³² *Авенариус А.* Авары и славяне... С. 67 сл.

³³ *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 126 сл.; *его же.* Славяне в раннем средневековье... С. 109–134. По подсчетам современных исследователей авары составляли около 17 процентов населения каганата, славяне — около 49 процентов (Свод... Т. 2. С. 307).

³⁴ Ср.: Свод... Т. 2. С. 367, 380–382; *Королюк В. Д.* Дулебы и анты, авары и готы // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 54–55.

³⁵ *Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М.* Этнокультурные процессы... С. 94.

³⁶ Ср.: *Авенариус А.* Авары и славяне... С. 28.

³⁷ *Birnbaum H.* Aspects of the Slavic Middle Age and Slavic Renaissance Culture. New York. P. 7–8; *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье... С. 120.

³⁸ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения... С. 62; Свод... Т. 2. С. 248–324.

³⁹ *Рашев Р.* О генезисе болгарского раннесредневекового города // Труды пятого Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. 1. Вып. 26. С. 31; *Балабанов Т. П.* Массовое жилище в Плиске // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 1988; Т. 2. С. 11.

⁴⁰ *Тыткова-Заимова В.* Структура Болгарского государства (конец IX — начало XI в.). Проблема гегемонии на Балканах // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 146.

⁴¹ *Наумов Е. П.* Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985. С. 194; ср.: *Тржешттик Д., Достал Б.* Великая Моравия и зарождение Чешского государства // Раннефеодальные государства и народности. С. 96; Свод... Т. 2. С. 430–433.

⁴² См.: *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 195–196.

⁴³ *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР, 1982. № 4. С. 150–159.

⁴⁴ *Петрашенко В. О.* До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 181–187.

⁴⁵ *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси... С. 83 и сл.

⁴⁶ *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. London, 1982. В этих построениях О. Прицак следует во многом работе евразийца Г. В. Вернадского, недавно переизданной в России (ср. *Вернадский Г. В.* Древняя Русь... С. 316, 334 и сл.); правда, контроль над Киевом Вернадский приписывает не самим хазарам, а их “вассалам” — мадьярам.

⁴⁷ См.: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 192 сл.

⁴⁸ Ср. об исторических судьбах кочевников: *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья... С. 13 сл.; *Иванова О. В., Литаврин Г. Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах... С. 39–40.

⁴⁹ Ср.: *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985. С. 12–32; *Фодор И.* Некоторые общие черты славянских и венгерских поселений раннего средневековья // Труды пятого Международного конгресса... Т. 1. Вып. 26. С. 109–113; *Марсина Р.* Славяне и мадьяры // Раннефеодальные государства и народности; *Вернадский Г. В.* Древняя Русь... С. 255 и сл.

⁵⁰ О взаимодействии древнерусской и волжско-болгарской культур см.: *Полубояринова М. Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993.

⁵¹ См. о сходстве ранней истории Золотой Орды и Хазарского каганата: *Плетнева С. А.* Кочевое население и феодальные государства Юго-Восточной Европы в X–XIV вв. // История Европы. М., 1992. Т. 2. С. 476.